

УДК 323+327(470+571)
DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

Рецентрализация власти: анализ политических идей российских лидеров

Фэй Хайтин

кандидат исторических наук, научный сотрудник, ассистент-профессор
Китайского центра политических исследований
Пекинский университет
ул. Ихэюань, д. 5, район Хайдянь, г. Пекин, Китайская Народная Республика,
100871;
ведущий научный сотрудник (совместитель) Центра исследования России
Восточно-китайский педагогический университет
ул. Чжуншаньбэйлу, д. 3663, г. Шанхай, Китайская Народная Республика, 200050
E-mail: feihaiting@outlook.com
ORCID: 0000-0001-5499-8863

ЦИТИРОВАНИЕ: Фэй Хайтин. Рецентрализация власти: анализ политических идей российских лидеров // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 150–171. DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

Статья поступила в редакцию 14.03.2024.
Исправленный текст представлен 15.07.2024.

АННОТАЦИЯ. В последние годы российские ученые-политологи, продолжая исследования концепции взаимоотношений трех основных политических идей (страны, личности и общества), начали проводить исследования по вопросу о будущем политическом пути развития страны под влиянием трех основных факторов: чувства разрыва, чувства отчуждения и беспокойства по поводу безопасности. Эту корректировку направления можно назвать стратегией «рецентрализации власти». Рецентрализация власти включает в себя по крайней мере две части: рецентрализацию политической власти и рецентрализацию политических действий; обе они охватывают международную и внутреннюю политику. Рецентрализация политической власти означает, что акцент теперь делается

не на децентрализации и расширении прав и возможностей, а на централизованной власти и исключительных правилах. Рецентрализация политических действий означает, что упор делается уже не на конкуренцию и переговоры, а на единые цели и единые действия. С точки зрения международной политики перераспределение действий в основном отражается в эволюции «игры» великих держав к конфронтации крупных держав и в эволюции регионального сотрудничества к лидерству крупных держав. С точки зрения внутренней политики рецентрализация действий в основном отражается в концентрации на выборе пути, единстве темпов развития и радикализации политики. Стратегия «рецентрализации власти» означает, что Россия внесла глубокие коррективы в разработку системы

и реализацию политики. Эти корректировки не следует рассматривать просто как краткосрочные или временные меры – следует рассматривать их на более высоком уровне, с более широкой предьсторией, с более глубокой логикой и длительной историей, как опыт развития российских лидеров за последние 30 лет. В статье дается краткое изложение, а также видение будущего пути политической трансформации. Реализация этой стратегии означает не только то, что Россия начала размышлять о своей политической истории за прошедшее столетие, но и то, что российская политика вступила в новый цикл.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое развитие России, российская дипломатия, российская политическая трансформация, российские лидеры, децентрализация власти.

В некотором смысле Россия снова вступила в новую эру, этап частых корректировок, который потребовал глубокого осмысления российской политики с 1991 г. Некоторые ученые намерены описать это как «постимперскую» (*post-imperial*) ситуацию [Ash, 2023, p. 64–75], а некоторые ученые призывают к «деколонизации» (*decolonization*) западных исследований по политике России [Shaipov, Shaipova, 2023, p. 12–14]. Представляется целесообразным прийти к консенсусу: необходимо пересмотреть направленность развития российской политики. Но есть проблема: как?

Один китайский ученый однажды подытожил изменения, произошедшие в международной политике после распада Советского Союза. Он отметил, что ряд крупных международных политических изменений, произошедших в связи с распадом Советского Союза, сместился или даже обратился вспять, среди которых пять наиболее важных

аспектов: возобновление холодной войны, возрождение биполярной структуры, реконструкция новой системы «Восток – Запад», упадок либерализма и крушение идеала Большой Европы [Чжао Хуаишэн, 2021]. Отношения между крупными державами изменились после окончания периода противостояния СССР и США, однако вновь привели к возобновлению холодной войны. Двухуровневая структура означает, что в рамках базовой концепции многополярности международная политика вновь быстро становится биполярной, замещая собой однополярность: мир снова грубо разделился на два лагеря. Восточная система, исчезнувшая после распада Советского Союза, появилась вновь и постепенно сформировала группу стран, которые противостоят Западу в форме политической идентичности. Фундаментальная причина вышеуказанных изменений заключается в том, что либеральная теория столкнулась со многими проблемами в области национального развития и управления, с неудачами как в теории, так и на практике, поэтому была поставлена под сомнение. Эти явления проявляются, например, в непрерывном ухудшении российско-американских отношений. Российско-европейские отношения, после того как они с энтузиазмом и усилиями откликнулись на идеал Большой Европы, подверглись серьезному удару и резко ухудшились, что привело к более глубокому расколу, чем во времена позднего Советского Союза.

Более того, в последние годы мировой порядок также подвергся серьезному испытанию. А.В. Кортунов однажды высказал это мнение, обсуждая проблему Глобального Юга [Кортунов, 2020, с. 4–5]. Он указал, что «2020 год стал временем тяжелых испытаний для всего мира, одним из тех исторических рубежей, которые отделяют старую эпоху от новой». Кроме того, он пола-

гает, что «нынешний кризис можно обозначить как системный с большим на то основанием, чем любой из прошедших кризисов нынешнего столетия, поскольку он затронул максимально широкий набор параметров современной международной системы, вобрав в себя эпидемиологическое, экономическое, политическое, военно-стратегическое и даже цивилизационное измерения мировой политики». Он далеко не единственный ученый, который предупреждает о том, что мировой порядок претерпевает глубокие изменения. Академик А.А. Дынкин на форуме «Примаковские чтения» указал, что глобализация и глобальное управление по-американски не смогли справиться с военными угрозами. Одновременно «глобализация не справилась и с невоенными вызовами безопасности: неравенством, климатическим и миграционным кризисами, пандемией COVID-19» [Дынкин, 2023]. Поэтому он далее указал, что «в течение 300 лет, начиная с Петра Великого, Европа была образцом для подражания, ролевой моделью для России. Сегодня, убежден, этот период завершается», так как «Россия первая бросила вызов осточертившему всем однополярному мировому порядку». Все эти признаки указывают на то, что изменения в мировой политике за последние годы – это не просто взлеты и падения в нескольких сферах двусторонних отношений, но и глубокие структурные противоречия.

Таким образом, на этом критическом этапе истории исследователям российской политики, возможно, потребуется отказаться от традиционного мышления позитивизма и поведенческой политологии, всесторонне изучить выбор и изменения в российской дипломатии и внутренних делах и на этой основе изучить будущее политического развития России. Как отметили китайские эксперты по российской полити-

ке, в традициях российской политики существует необычайно тесная связь между дипломатией и внутренними делами [Цзян И, Вэнь Луцзе, 2020]. С одной стороны, внешние факторы легко могут стать ключевой силой, влияющей на баланс между реформаторскими и консервативными силами в России; с другой стороны, легитимность государственного управления в России и ее политический путь развития также будут затронуты и подвергаться испытаниям по мере того, как эти факторы будут распространяться по всему миру. И изменение взглядов российских лидеров является одним из наиболее важных показателей. Их знания и суждения во многом будут определять выбор поведения России и стратегии реагирования в сложной международной и внутренней ситуации. Мы считаем, что, возможно, стратегическая корректировка России началась не в 2020 г., а уже в 2018 г. Мы определяем эту корректировку как рецентрализация власти.

Вступление. Переориентация после 2018 г.

После 2018 г. в российской политике произошло несколько крупных событий, из которых по крайней мере три являются особенно репрезентативными: конституционная реформа 2020 г., принятие мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в 2020 г. и российско-украинский конфликт, начавшийся в 2022 г. Конституционная реформа и российско-украинский конфликт сопровождалась тем, что российская высокопоставленная элита инициировала не только ряд корректировок в политике, но и внесла коррективы в политическую структуру и тенденции политического развития России.

Возникновение этих событий не случайно и имеет последовательную

и непрерывную внутреннюю логику. Поэтому, с одной стороны, вышеупомянутые события не должны ограничиваться непосредственным анализом, а должны осмысливаться углубленно в двух временных масштабах: за предшествующие 10 лет (2012–2022) и 30 лет (1992–2022); с другой стороны, вышеупомянутые события следует рассматривать не изолированно, а как внешнее проявление изменений политического развития России в целом.

Если рассматривать эти изменения в масштабе 10 лет, то можно увидеть, что в последние годы Россия юридически подтверждала, внедряла и далее продвигала многие стратегии, начатые после 2012 г. В этом смысле в период после 2018 г. российская политика ускорила в установившемся направлении по сравнению с периодом 2012–2018 годов. Если посмотреть на эти изменения в масштабе 30 лет, можно обнаружить, что многие направления политики России за последнее десятилетие изменили принципы и направления предыдущих 20 лет переходного периода.

Этот факт лучше рассматривать как склонность России к возврату к своему повторному выбору и планированию пути своего развития, свойственного ей до определенных ключевых моментов трансформации, нежели расценивать политическое развитие России в последние годы как неоднократные изменения или прокладывание нового пути. В этом смысле тенденция политического развития России после 2018 г. претерпела глубокие изменения по сравнению с двадцатью годами, предшествовавшими 2012 г. (1992–2012).

В данной статье утверждается, что эти изменения можно охарактеризовать как путь развития с рецентрализацией власти. Если полагать, что до 1990-х годов российская политика характеризовалась «централизацией»,

в 1990-х годах основными особенностями были федеральная децентрализация власти на местный уровень и предоставление государством полномочий обществу; после 2000 г. акцент был сделан на реорганизацию государства при одновременном поиске пути управления совместно с обществом; главной чертой российской политики после 2012 г. (особенно после 2018 г.) является возвращение государством своей власти на социальном и местном уровнях и реализация рецентрализации политической власти и политических действий.

Под рецентрализацией понимается не смещение центра тяжести в политике в период между президентскими сроками в узком смысле этого слова, а обобщение долгосрочного опыта, проведенное российской высшей политической элитой в широком смысле этого слова, это ретроспективный взгляд России на этапы политической истории с момента советско-российского переходного периода. В процессе преобразований за последние 30 лет некоторый опыт и меры по централизации были признаны эффективными, соответствующими целям политического развития и были продолжены. Некоторые исследования и попытки децентрализации были отвергнуты или постепенно маргинализированы, как не приведшие к достижению желаемых результатов.

Логическое продолжение политических идей

Хотя изменения в российской политике в основном произошли после 2020 г., на самом деле эта тенденция начала проявлять первые признаки уже в 2018 г. Если понаблюдать за российской политикой после 2018 г., несложно обнаружить, что основная логика политического развития России в послед-

ние годы осталась прежней, но темпы изменений значительно ускорились. В.В. Путин отметил: «И в этом смысле ближайшие годы станут решающими для будущего страны. <...> Кто бы ни был избран президентом, каждый гражданин России, все мы вместе должны прочувствовать и понять, что происходит в мире, вокруг нас, и какие вызовы стоят перед нами»¹.

Прежде всего, государство по-прежнему считается доминирующим «игроком» в развитии России. Легитимность государства в основном отражается в трех аспектах: в обеспечении безопасности и единства России; направлении социально-экономического развития; сохранении традиций, культуры и ценностей. По мнению российских лидеров, российское государство добилось заметного прогресса в обеспечении безопасности и сохранении нравственных норм, а самым большим недостатком является вялое внутреннее социально-экономическое развитие.

Медленное социально-экономическое развитие государства объясняется главным образом двумя основными препятствиями: неэффективностью и коррупцией. Под «государством» в данном контексте понимаются органы власти в широком смысле, включая как федеральное правительство, правительства субъектов Российской Федерации, так и местные органы самоуправления, а также судебные органы и органы прокурорского надзора. Коррупция – это не только ненадлежащее поведение отдельных должностных лиц, но и системное и структурное явление, главным образом отражающееся в давлении и захвате предприятий органами власти. Проблема неэффективности в основном отражается в отсутствии инициативы и чувства ответ-

ственности исполнительных органов на всех уровнях, которые не могут ни быстро реализовать волю государства, ни скоординированно реагировать на социальные потребности.

После 2018 г. политические изменения больше не ограничиваются кадровыми перестановками, такими как реформирование элит, и внедрением новых инструментов управления, таких как электронное правительство и цифровое правительство, при этом начали инициироваться более прямые и фундаментальные институциональные реформы и конституционные поправки. В то же время надзор за разработкой и осуществлением политики больше не ограничивается специализированными регулирующими органами, введено большое количество официальных и полуофициальных учреждений и организаций.

Во-вторых, граждане по-прежнему считаются «строителями» российского государства. По мнению российских лидеров, свобода лежит в основе личных ценностей и включает в себя три аспекта: свободу предпринимательства, свободу творчества и свободу гражданской инициативы. Ни одна из этих трех свобод не имеет индивидуального содержания и не касается ни конфликтов интересов между отдельными лицами или группами, ни разграничения границ между личностью и государством, – вместо этого все эти свободы сосредоточены на коллективном содержании и указывают на социально-экономическое развитие.

Идея российских лидеров касательно гражданских свобод после 2018 г. также является продолжением идеи 2012 г. В ней подчеркивается, что «предел свободы» (<...> работа каждого на себя имеет и свои пределы, имеет и свои гра-

1 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.03.2024).

ницы)² относится скорее к свободе развития, чем к свободе выбора, что близко к содержанию гражданской ответственности. Таким образом, государственная защита гражданских свобод будет в основном сосредоточена на трех аспектах: во-первых, на повышении гражданских качеств, обеспечении базовых условий для самореализации граждан, саморазвития и самосозидания, с тем чтобы они были готовы к труду и созиданию; во-вторых, на улучшении сервисных возможностей государственных учреждений, особенно в области экономического развития, а также разработки и реализации государственной политики, с тем чтобы граждане могли получить больше возможностей для трудоустройства и более широкие возможности для творчества; в-третьих, на предотвращении ущемления прав граждан органами власти и избегании ухудшения и разрушения возможностей граждан работать и созидать. «Сегодня в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперед в профессии, в знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела. Зачастую они лучше знают, что, почему и как надо менять там, где они живут, работают: в городах, районах, селах, по всей стране»³. Конкретные меры включают сокращение бедности, повышение доходов, увеличение продолжительности жизни и обеспечение доступа граждан к ресурсам в области образования, медицинского обслуживания, работы, информации, кредитования и т. д.

После 2018 г. российские лидеры заметно активизировали свои усилия, призывая правительство улучшить

удобство обслуживания и не допускать вмешательства силовых ведомств в развитие. Кроме того, общество по-прежнему считается вспомогательной составляющей развития российского государства. На самом деле в идеях российских лидеров общество не является субъектом с независимыми интересами и волей, а скорее является полем, в котором сходятся отдельные люди и семьи. Это скорее продукт частичного расширения и смешения национальных и личностных идей, нежели место, где формируются общественная жизнь, общественные интересы и общественное сознание.

Общество несет в себе скорее «нисходящую» функцию, то есть функцию действия государства в отношении индивидуальных лиц и семей, нежели «восходящую», то есть экспрессивную функцию отдельных лиц и семей в отношении государства. Действия государства могут проникать в общество и затрагивать отдельных лиц, однако действия отдельных лиц в основном сосредоточены на социальном уровне. Будучи промежуточным уровнем, общество должно нести часть функций государства, то есть добиваться поддержки и содействия отдельным лицам и семьям. В то же время, будучи парадигмой, общество также является носителем коллективной памяти, традиционных ценностей и моральных норм. Следовательно, хотя обществу по-прежнему необходимо уделять особое внимание социальному участию, чтобы реализовать свои функции, такое социальное участие будет состоять из трех частей: государственное реагирование, институциональное участие и добровольная деятельность.

2 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2012. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 12.03.2024).

3 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

Как предлагают некоторые ученые, необходимо отказаться от дихотомии между демократией и авторитаризмом и охарактеризовать Россию как «гибридный режим» (*hybrid regime*) [Hale, 2011]. Или, как предлагают другие, описывать Россию как «управляемый плюрализм» (*managed pluralism*) [Balzer, 2003]. Это означает, что элиты высокого уровня не пытаются устранить разнообразие, но в то же время поощряют и ограничивают разнообразие. Из-за отсутствия твердой власти они часто используют метод пробного шара, чтобы понять общее отношение общества, придерживаются позиции максимизации, насколько это возможно, и отступают и идут на компромисс, сталкиваясь с сильной оппозицией.

В различных выступлениях после 2018 г. В.В. Путин неоднократно делал акцент на важности диалога между государством и обществом, подчеркивая, что руководству на всех уровнях – от федерального до местного – необходимо напрямую реагировать на требования граждан и общества, а не уклоняться от них. Институциональное участие, с другой стороны, в основном относится к различным общественным организациям, участвующим в разработке политики и выдвигающим предложения по национальному развитию, особенно социально-экономическому, через различные официальные или полуофициальные организации или учреждения, такие как Общественная палата, бизнес-ассоциации, Совет по стратегическому планированию и Общероссийский народный фронт.

Что касается общественных организаций и их деятельности, то правительство, как правило, контролирует их в определенном масштабе и объеме, в то время как добровольные органи-

зации и волонтерская деятельность, особенно культурная, являются основными формами, которые только после 2018 г. стали активно поощряться и поддерживаться со стороны государства и рассматриваются Россией как важный способ объединения общества.

Особенности изменений политических идей

Просматривая различные публичные материалы за период с 2018 г., можно обнаружить, что отношение российской высокопоставленной элиты к вопросам политического развития претерпело некоторые очевидные изменения, которые в целом можно свести к трем особенностям: ощущение разрыва, чувство отчужденности и тревога за безопасность. Эти три характеристики появились не внезапно, а накапливались постепенно на протяжении десятилетий. Ощущение разрыва является основой и предпосылкой для изменения отношений, чувство отчужденности является основным содержанием изменения отношения, а тревога за безопасность в некоторой степени ускорила изменение отношений.

Ощущение разрыва. Российские лидеры оценивают Россию как державу мирового класса: «это критически важно для нашей огромной многонациональной страны со сложным федеративным устройством, с многообразием культур, с памятью об исторических разломах и труднейших испытаниях, которые выпали на долю России». В.В. Путин обозначил это одним выражением – «прорывное развитие России»⁴. Но скорость ее развития никогда не позволяла полностью достичь

4 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.03.2024).

поставленных целей, что приводило к ощущению разрыва между идеалами и реальностью. Ощущение разрыва в основном указывает не только на медленные темпы социально-экономического развития, но и, что более важно, на критику эффективности управления. По мнению российских лидеров, народ России и общество обладают огромным потенциалом и динамизмом, и именно разбухшие и закостенелые административные структуры и бюрократия задерживают развитие. Это также стало одной из главных причин чувства отчужденности.

Чувство отчужденности. Российские лидеры возлагают чрезвычайно большие надежды на развитие России, но когда воля государства не может быть реализована и появляются препятствия государственной власти на среднем уровне, это создает чувство отчуждения между лидерами и низшими слоями общества. Это не только означает, что высшая элита чувствует, что национальная воля и государственная власть не могут достичь низов через средний уровень, но также говорит о том, что информация, требования и пожелания низов не могут быть точно и эффективно переданы обратно государству через средний уровень. Такие препятствия среднего уровня имеют место не только в федеральном правительстве, но и в субъектах Федерации и даже в органах местного самоуправления.

Чувство отчуждения между российскими лидерами и низшим обществом всегда присутствовало в процессе развития на протяжении последних 30 лет, но оно значительно усилилось после 2018 г. В качестве примера можно при-

вести тот факт, что в своем послании к Федеральному Собранию в последние годы В.В. Путин часто подчеркивал, что как президенту Российской Федерации ему приходилось «лично вмешиваться в некоторые вопросы»⁵ и даже использовать мощные институты и особые полномочия, такие как Министерство внутренних дел и Генеральная прокуратура. Но что еще более удручающим фактом является то, что если даже лидер вмешивается лично, работа всё равно может идти медленно.

Возникновение препятствий можно свести к двум причинам, одна из которых заключается в преднамеренном препятствовании группам интересов, а другая – в лени сотрудников системы управления. В.В. Путин отметил, что «при принятии подобных решений мы должны руководствоваться не корпоративными интересами, не интересами отдельных уважаемых людей и компаний, а интересами народа России»⁶. Президент также отметил: «Если кто-то предпочитает работать по накатанной, не напрягаясь, избегать инициативы и ответственности, то лучше сразу уйти. Я уже слышу, что «там нельзя», «здесь слишком сложно», «там слишком высокая планка», «не получится». С такими настроениями лучше к снаряду не подходить»⁷. Независимо от того, обвиняются ли в этом группы по интересам или бюрократия, чувство отчуждения влечет за собой широко распространенное и систематическое недоверие к политической элите среди среднего и низового звена, а также к правительственным учреждениям на всех уровнях. Углубление недоверия повышает технические проблемы административной эффективности

5 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2019. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 12.03.2024).

6 Там же.

7 Там же.

до уровня структурной проблемы политической системы, что влияет на понимание лидерами текущей ситуации в развитии России и на их планы касательно будущего пути развития, побуждая их принимать специальные контрмеры.

Беспокойство по поводу безопасности. Как и в случае с ощущением разрыва и отчужденности, российские лидеры всегда уделяли большое внимание вопросам безопасности, особенно национальной безопасности в области международной политики. Но в последние годы наблюдается более выраженный сдвиг фокуса внимания на вопросы безопасности.

Другими словами, вопросы безопасности продемонстрировали траекторию эволюции от национальной безопасности к безопасности политической власти. Первоначально вопросы безопасности были в основном вопросами, отражающимися в межгосударственных «играх». Однако в последние годы высокопоставленная российская элита всё чаще подчеркивает, что «игра» между странами начала распространяться из сферы международной политики на внутреннюю политику, бросая прямой вызов внутренним режимам в некоторых странах и регионах.

«Оранжевая революция» 2004 г. и украинский кризис 2013 г. заставили высшую элиту России обратить внимание на эволюцию национальной безопасности в сторону безопасности политической власти, а конфликты, произошедшие в Белоруссии, Киргизии и Казахстане в период с 2020 по 2022 г., усилили ее озабоченность решением данного вопроса. Высокопоставленная элита в России постепенно достигает

консенсуса по вопросам безопасности: международные отношения России находятся под всё возрастающим давлением, и даже существует вероятность потери влияния на постсоветском пространстве. Это привело к тому, что опасения России по поводу безопасности переросли в тревогу. Н.П. Патрушев отметил: «В этих странах ставка делалась на людей, вступивших в сознательный возраст после распада СССР и потому не имевших личных представлений и реальных знаний о Советском Союзе. Расчет показывает, что естественная смена начальников младшего звена управления (27–30 лет) уже практически завершена, замена руководства среднего звена (30–40 лет) произойдет до 2026 г., старшего звена (40–50 лет) – до 2036 г. Однако пример Грузии и Украины свидетельствует, что процесс формирования вокруг России враждебного ей государственного стиля поведения элит может быть ускорен искусственным путем»⁸. Д.А. Медведев отметил: «За последние годы отношения России и США фактически перешли от соперничества к конфронтации, по сути, вернулись в эпоху холодной войны. Санкционное давление, угрозы, конфликтное противоборство, защита своих эгоистических интересов – всё это ввергает мир в состояние перманентной нестабильности»⁹.

Рецентрализация власти: переориентация пути политического развития

Президент Российской Федерации внес всесторонние коррективы и наметил дальнейший путь развития на основе обобщения опыта государства

8 Патрушев Н.П. Об отработанных Западом инструментах цветных революций // Совет Безопасности Российской Федерации. – 2020. – URL: <http://www.scrs.gov.ru/news/allnews/2799/> (дата обращения: 12.03.2024).

9 Медведев Д.А. Невыученные уроки истории // Совет Безопасности Российской Федерации. – 2021. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/2973/> (дата обращения: 12.03.2024).

за последние 30 лет. Рецентрализация власти имеет, по крайней мере, два значения: рецентрализация политической власти и рецентрализация политических действий.

Рецентрализация политической власти

Рецентрализация политической власти означает, что она теперь делает упор не на децентрализацию и предоставление полномочий, а на централизованную власть и исключительные правила. С точки зрения международной политики рецентрализация власти отражается главным образом в трансформации процесса глобализации в процесс контрглобализации. Это означает, что не только статус национальных государств, особенно крупных и сверхкрупных, в международной политике снова повысился, но и то, что определение повестки дня и распределение ресурсов международного сообщества были перераспределены с глобального управления и регионального сотрудничества на национальные государства. В то же время это также означает, что внутренние правила национальных государств начали исключать правила межгосударственных консультаций.

Начиная с 1990-х годов, с окончанием биполярного противостояния между двумя лагерями, страны начали возобновлять крупномасштабные контакты и связи между ними укрепились как никогда прежде. Многие проблемы, возникшие в этом процессе глобализации, вышли за рамки национальных государств и с трудом поддаются решению в рамках одной страны, что требует от всех стран и регионов, являющихся соответствующими заинтересованными сторонами, согласованного реагирования.

Хотя между государствами по-прежнему существуют конкуренция и «игры»,

глубокая взаимозависимость требует проведения большего количества консультаций и сотрудничества. На этой основе международное сообщество разработало такие теории, как «глобальное управление» и «справедливое глобальное управление», а на практике было создано большое количество международных и региональных организаций для содействия совместному управлению между различными государствами.

Если проводить анализ с точки зрения политологии, то национальное государство, по сути, является доминирующей организацией, которая своими правилами заменяет и исключает другие социальные организации. Идея глобализации и регионализации, с другой стороны, фактически подчеркивает необходимость поиска консенсуса между странами и стремление совместно формулировать нормы, поскольку решение транснациональных проблем отвечает общественным интересам международного и региональных сообществ. В этом процессе необходимо максимально соблюдать баланс между национальными и региональными, национальными и глобальными интересами и в то же время максимально избегать замены и исключения региональных и глобальных интересов национальными интересами. Замена общих интересов собственными интересами какого-либо государства приведет к развалу сотрудничества, а провал сотрудничества приведет к тому, что транснациональные проблемы будут продолжать висеть в воздухе и в конечном счете нанесут долгосрочный ущерб интересам этого государства.

После распада Советского Союза Россия, хотя и не была глубоко интегрирована в процесс глобализации, постоянно перенастраивала свою собственную дипломатическую стратегию и изучала, как в полной мере использовать возможности развития и потен-

циал, которые глобализация приносит стране. Россия не только активно стремилась улучшить отношения с западными странами, но и активно корректировала свою роль на постсоветском пространстве; являясь участником мирового рынка и промышленных цепочек, она также формулирует различные планы экономической интеграции. Это стратегическое направление оставалось неизменным даже тогда, когда экономика потерпела серьезные неудачи в 1990-х годах, и продолжалось до начала XXI в. Однако после Мюнхенской конференции по безопасности 2007 г. геополитическое мышление возникло вновь, идеи глобализации и глобального управления также начали обращать глобализацию вспять и мир стал возвращаться к главенству политики крупных держав.

В 2020 г. В.В. Путин упомянул в своем послании о положении в стране: «Россия может быть и оставаться Россией только как суверенное государство. Суверенитет нашего народа должен быть безусловным. Мы многое сделали для этого: восстановили единство страны, покончили с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами, Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться. Мы создали мощные резервы, чтократно повышает устойчивость нашего государства, его способность защитить социальные права граждан, а национальную экономику – от любых попыток внешнего давления. Действительно, считаю, что пришло время внести в Основной закон страны некоторые изменения,

которые прямо гарантируют приоритет Конституции России в нашем правовом пространстве. Что это означает? Это означает буквально следующее: требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции»¹⁰.

Следует отметить, что международное законодательство и договоры, как правило, нуждаются в пересмотре и ратификации в соответствии с внутрисударственными процедурами, что не является исключительной политикой. В России отношение к международному праву как к части внутреннего законодательства было частью идеи «правового государства» в период президентства Б.Н. Ельцина¹¹. В свою очередь В.В. Путин в послании о положении в стране предложил принцип, согласно которому международные правила должны подчиняться внутренним, что является прямым отказом от определения Бориса Ельцина и ответом на внешнее давление. Это означает, что Россия в какой-то степени стала рассматривать международные правила главным образом как источник угроз и вызовов, а не как результат консультаций и сотрудничества.

С точки зрения внутренней политики рецентрализация власти в основном отражается в концентрации отдельных секционных органов в пользу альтернативных систем и концентрации местного самоуправления в федеральной юрисдикции. С момента распада Советского Союза советско-российские

10 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

11 Ельцин Б.Н. Текст Выступления Б.Н. Ельцина перед депутатами по работе Конституционной Комиссии. – 1991. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/10565/> (дата обращения: 12.03.2024).

политические реформы в основном проводились в двух основных направлениях: 1) децентрализация власти в обществе и 2) расширение прав и возможностей на местах. В направлении «государство – общество» Россия осуществила институциональные реформы, направленные на разделение полномочий представительных органов власти и исполнительных с целью создания базовой децентрализованной структуры «ограничение – доминирование»; в то же время она также реформировала избирательную систему, позволив различным политическим организациям и группам конкурировать за получение поддержки избирателей и лидерства.

Россия надеется контролировать государственную власть с помощью двух принципов децентрализации: 1) сдержек и противовесов и 2) политической конкуренции. Относительно направления «федеральное – местное» отметим: хотя это и не соответствовало первоначальному замыслу реформы, российское государство всё же подписало федеральные договоры с субъектами Федерации, разделив соответствующие полномочия между центральным и местными уровнями. Если удастся гарантировать национальное единство и центральную власть, то местные диверсифицированные изыскания приведут к появлению различных моделей и путей развития, которые станут полезным ориентиром для общего стратегического планирования государства.

За последние 30 лет Россия при ограниченном возвращении государственной власти в целом сохранила два основных направления: 1) децентрализация общества и 2) наделение полномочиями местных органов власти. На самом деле намерение концентрации существует всегда. Как описывали это китайские ученые, это можно понять как «восстановление государственной власти

и вертикальной системы власти» [Пан Данэн, 2016], «укрепление вертикальной системы руководства» [Liu Lingqi, Guan Haiting, 2014] или «укрепление национального потенциала путем создания вертикальных систем власти» [Ян Чэн, 2008]. Однако после 2018 г. направление развития российского государства было скорректировано. Как упоминалось ранее, считается, что неэффективность и коррупция являются самыми большими препятствиями для внутреннего развития России и причины этих двух явлений кроются в препятствовании осуществлению государственной власти на среднем уровне.

По мнению российской высокопоставленной элиты, это препятствие существует не только на уровне федерального правительства, но и на уровне правительств субъектов Российской Федерации. Следовательно, необходимо ускорить восстановление государственной власти и усилить интенсивность ограничений органов исполнительной власти среднего уровня и низшего звена. Существуют два основных способа восстановления власти: 1) централизация государственной власти от иерархических институтов к альтернативным системам и в то же время 2) централизация полномочий местного самоуправления в рамках единой федеральной юрисдикции.

Первое – направление «государство – общество». После 2018 г. всё больше и больше альтернативных систем и организаций начали участвовать в политическом процессе и российские лидеры неоднократно публично заявляли, что эти организации должны контактировать с гражданами, участвовать в процессе принятия решений и контролировать реализацию политики. Существует множество типов этих организаций, включая союзы политических партий, полуофициальные некоммерческие организации, со-

вместные рабочие группы, совместные заседания, Общественную палату и т. д. Эти организации участвуют в политической жизни не по одному каналу (например, представляя органы власти), а во всех сегментах на всех административных уровнях – от разработки политики до ее реализации. В то же время политические партии и парламент также получают больше власти.

В ходе пересмотра Конституции Российской Федерации 2020 г. полномочия Совета Федерации и Государственной Думы по назначению и отстранению от должности были значительно расширены. По согласованию с президентом Совет Федерации может назначать и смещать должностных лиц органов власти и системы прокуратуры, а также в соответствии с предложением президента назначать и смещать председателей судов и судей различных уровней. В свою очередь, Государственная Дума может не только согласовывать с президентом кандидатуру на пост премьер-министра, но и кандидатуры на посты глав различных правительственных ведомств. При нынешней стабильной структуре политических партий в России вышеупомянутые реформы означают, что ограничения и надзор со стороны иерархических органов правительства Российской Федерации и ее субъектов были значительно усилены.

Однако следует отметить, что вышеупомянутые альтернативные системы и организации не могут рассматриваться как простые общественные организации или представители общественных организаций. Эти организации имеют более или менее официальное и полуофициальное происхождение, по сути, они не осуществляют социальный надзор за государственными институтами, а внедряют другие альтернативные, временные, неофициальные, официальные или полуофициальные

институты для ограничения иерархической системы управления.

Однако концентрация власти от иерархических институтов к альтернативным системам на самом деле довольно рискованна. Будь то децентрализация, системы сдержек и противовесов или политическая конкуренция – всё должно быть объединено в рамках государственной власти с помощью официальных органов и процедур. Как доминирующая организация, государство должно поддерживать свой авторитет. Другие общественные организации могут играть внесистемную надзорную роль, но они не должны наделяться существенными полномочиями для ограничения государственных органов. В противном случае это не только ослабит авторитет государственных институтов, но и фактически смягчит ограничения, накладываемые на государственные институты. Как только власть, выходящая за рамки общепринятых норм, изменяет условия ограничений, административные органы проявляют инициативу, чтобы обратиться за защитой и поддержкой, тем самым сводя на нет первоначальные условия ограничений.

Второе – направление «федеральное – местное». После 2018 г. Россия вновь осуществила действия по восстановлению государственной власти, аналогичные тем, что были проведены в период около 2000 г. Российские лидеры неоднократно выражали недовольство касательно реализации национальной политики правительствами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. В.В. Путин указал: «Предусмотренные законодательством общие для всех граждан права, возможности и гарантии в разных регионах и муниципалитетах обеспечиваются по-разному. Это несправедливо по отношению к человеку и несет прямую угрозу на-

шему обществу и целостности страны. Считаю необходимым закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены»¹². Типичным случаем является отзыв полномочий по назначению и отстранению от должностей официальных лиц региональных органов прокуратуры.

Другой политикой, реализуемой в то же время, было усиление роли глав субъектов Российской Федерации в принятии государственных решений, что нашло прямое отражение в определении конституционного статуса Государственного Совета, в составе которого преобладают руководители высших исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации. Этот совет был восстановлен в 2000 г., что стало балансирующей мерой, когда Россия в первый раз укрепляла государственную власть. Это дополнение к конституционным положениям, касающимся Государственного Совета, которое можно рассматривать как повторное применение мер по обеспечению баланса, а также как еще одно подтверждение направления укрепления власти, начавшееся с 2000 г.

Реконцентрация политических действий

Реконцентрация политических действий означает, что акцент ставится не на конкуренцию и консультации, а на единство целей и действий. С точки зрения международной политики

рецентрализация действий в основном отражается в эволюции «игры» крупных держав в их конфронтацию, в то время как региональное сотрудничество эволюционирует к доминированию крупных держав.

С распадом Советского Союза холодной войне был объявлен конец, Россия вошла в международное сообщество в качестве суверенной страны. Из-за особенностей государственного строя Советского Союза и потрясений на ранних стадиях реформ Россия, унаследовавшая большую часть территории Советского Союза, не смогла в полной мере сохранить международный статус, присущий Советскому Союзу, как и роль в регионе. Поэтому Россия в 1990-е годы постоянно изучала и корректировала свое позиционирование, было необходимо не только наладить свои отношения со сверхдержавами, но и с другими крупными державами и соседними государствами.

В этот период Россия в целом придерживалась более открытой внешней политики: активно улучшая отношения с западными странами, она также поддерживала связи с соседними государствами. Однако постепенно обнаружила, что социально-экономические потрясения 1990-х годов не оказали чрезмерного влияния на ее деятельность в дипломатической сфере. Напротив, она добилась определенного прогресса и в основном сохранила свое влияние как региональная держава, создав пространство для реализации своей политики на международном и региональном уровнях.

Россия осознает, что, хотя ее внутреннее развитие испытывало сильные колебания и никогда не оправдывало ожиданий, ее экономические возможности и национальная обороно-

12 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

способность значительно отличаются от возможностей соседних государств, промышленная цепочка советского периода по-прежнему влиятельна, и у нее есть важные стратегические инструменты, такие как энергетические и дипломатические ресурсы, а ее внешние стратегические цели могут в определенной степени превзойти ограничения внутреннего развития фактического плана.

Это в значительной степени укрепило уверенность российской высокопоставленной элиты в высоком международном статусе и влиянии России. Нестабильность дипломатической ситуации и углубление чувства тревоги по поводу безопасности всё больше склоняют российских лидеров к занятию активной позиции в «игре» крупных держав. Это означает, что Россия больше не будет по своей инициативе искать консенсус и компромисс, а будет уделять больше внимания угрозам государству, активно реагировать и противодействовать им.

Другой важной тенденцией является эволюция регионального сотрудничества в сторону доминирования крупных держав. В 1990-х годах внезапный распад Советского Союза принес с собой множество унаследованных проблем. Из-за того, что из одного государства он распался на десяток развивающихся суверенных стран, трансформация политической системы не может сразу же изменить экономическую структуру и первоначальную модель экономического развития.

В советский период республики, входившие в СССР, были участниками относительно полного внутреннего экономического цикла, и каждая из них занимала четкое положение в производственной цепочке. Но даже если бы они хотели радикальных изменений, им потребовалось бы больше времени. В 1990-х же из-за перепле-

тения различных внутренних и внешних проблем у России не было ни возможности, ни желания продолжать региональную политику советского периода. Поэтому интеграционные инициативы России остались в основном на уровне теории и планирования, а на практике чаще всего принимали форму разрозненных международных организаций или экономических сообществ для поддержания связей с соседними государствами.

После 2000 г. экономика России восстановилась, и в своем внутреннем развитии она постепенно избавилась от социально-экономических потрясений, вызванных реформами 1990-х годов, а ее региональная политика стала более активной и прагматичной. С тех пор Россия стала более склонна рассматривать постсоветские страны как геополитические буферные зоны, поэтому стала более чувствительной к расширению других региональных организаций (таких как НАТО) и смене режимов в постсоветских странах.

Если тогда политика России в отношении соседних стран всё еще была основана на косвенном вмешательстве и влиянии, то российско-грузинская война 2008 г. и крымские события 2014 г. стали очевидными поворотными моментами в ее региональной политике. С тех пор участие России в делах соседних государств значительно усилилось. Примерно в 2020 г., когда в Белоруссии и Казахстане один за другим произошли беспорядки, Россия решила вмешаться напрямую. Эти события рассматриваются как предвестники подрыва российского режима западными странами, поэтому Россия больше не ограничивает свои действия дипломатической или экономической сферами, а предпочитает вмешиваться комплексно. В.В. Путин отметил: «Организаторы любых провокаций, угрожающих коренным интересам нашей

безопасности, пожалеют о содеянном так, как давно уже ни о чем не жалели. <...> Но надеюсь, что никому не придет в голову перейти в отношении России так называемую красную черту. А где она будет проходить, это мы будем определять в каждом конкретном случае сами»¹³.

С точки зрения внутренней политики рецентрализация действий в основном проявляется в концентрации выбора пути, унификации темпов развития и радикализации политики. Эти три фактора показывают, что Россия не только полна решимости усилить свою инициативность и лидерство в «игре» крупных держав и в региональной политике, но также и восстанавливает свою былую автономию в государственном управлении и развитии на всех уровнях, ставит ее под контроль единого централизованного планирования.

В начале распада Советского Союза страна и общество в целом были резко разделены. Общество было разделено на множество слоев и групп, и в стране происходило крупномасштабное оседание власти, при этом многие полномочия, которые ранее принадлежали государству, были перехвачены руководящими структурами разных уровней. Поэтому в 1990-е годы субъекты Российской Федерации и местные союзы изучали модели развития, отвечающие их собственным интересам.

Даже с укреплением вертикальной системы власти после 2000 г. такой политический ландшафт принципиально не изменился.

Региональное развитие по-прежнему неравномерно, и между субъектами Российской Федерации существует множество различий в ключевых областях развития, приоритетах реформ и

их интенсивности. Из соображений политической стабильности Правительство Российской Федерации никогда особо не затрагивало автономии субъектов с точки зрения социально-экономического развития, а лишь требовало от них подчинения федеральной политической власти. Однако в связи с неоднократной реорганизацией отношений между центром и местными органами власти и усилением влияния государства на политическую элиту субъектов Российской Федерации в последние годы ускорился процесс государственной централизации.

Концентрация выбора пути в основном отражается в определении приоритетов местного управления в форме национальных проектов, направлении целей и путей местного развития в сторону общего национального плана. Государственная программа Российской Федерации является результатом реформы государственных финансов России с 2000 по 2010 г. Это ряд стратегий и мер, сформулированных в соответствии со стратегическими целями, предложенными президентом страны.

Программа включает в себя семь модулей: здравоохранение и социальное обеспечение, культура и образование, туризм и жизненная среда, работа и занятость, промышленность и технологии, цифровая трансформация и местное развитие, – фактически определяя конкретные задачи и цели для всех подразделений федерального правительства и правительств субъектов Федерации. Хотя проект реализуется уже давно, в последние годы в России значительно усилился акцент на национальных проектах. Руководство страны неоднократно отмечало необходимость того, чтобы все субъекты Российской

13 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 12.03.2024).

Федерации включили национальные проекты в список первоочередных задач своего управления, а все местные органы власти повысили свое понимание проектов до уровня национальной стратегии.

Особое значение Россия придает темпам централизованного развития. После 2018 г. руководство страны неоднократно публично и недвусмысленно выражало свое недовольство неравномерным развитием субъектов Федерации и даже прямо называло некоторые области со слабой степенью реализации проектов и отстающим развитием.

С одной стороны, этот дисбаланс обусловлен плохой работой управленческой команды глав субъектов Российской Федерации, а с другой – плохой коммуникацией между правительствами субъектов Федерации и федеральным правительством. Типичным случаем является вопрос о реструктуризации местных долговых обязательств. Россия планирует предоставить федеральные инфраструктурные бюджетные кредиты для содействия местному развитию. В.В. Путин строго критиковал: «Здесь сразу хочу обратиться и к руководителям регионов, и к правительству: послушайте, давайте только работать ритмично и четко. Не хочу здесь, с этой трибуны, произносить жестких или грубых слов, но своевременно надо всё делать, готовить надо эти проекты, не прибегать просто с картинками в правительство. А правительство должно их быстро перерабатывать, помочь регионам там, где они с этим не справляются. Помочь надо коллегам, понимаете? А не отбрасывать в корзину и говорить: они плохо сделали»¹⁴. Нетрудно заметить, что после 2018 г. Россия уделяет значительно

больше внимания сбалансированному региональному развитию. Районы, цели и пути развития которых не соответствуют национальной стратегии, а также регионы, скорость развития которых не соответствует национальным требованиям, подвергаются большому давлению.

На практике давление оказывается не только на конкретные регионы, но и на конкретные сферы. По мнению российского руководства, работа федеральных органов власти и правительств субъектов Федерации неэффективна в некоторых областях, а разрыв с установленными целями слишком велик, что в основном вызвано не объективными препятствиями и сложностью задач, а неэффективной работой правительственных ведомств и местных управленческих команд, поэтому нуждается в более энергичном стимулировании. Именно в этом заключается смысл радикализации политики.

В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что «темпы изменений должны нарастать с каждым годом», «что еще мы должны сделать, и причем так же быстро», «от планов нужно, конечно, быстрее переходить к действиям»¹⁵. Конкретные меры включают в себя не только установление четких данных и показателей социально-экономического развития, но и определение четких временных рамок. Во многих областях требуются значительные изменения, достигнутые в ограниченные сроки, поэтому некоторые меры бывают более радикальными.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что российское руководство считает, что давление на Россию внутри страны и за рубежом усиливается,

14 Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 12.03.2024).

15 Там же.

и наблюдается серьезное несоответствие между международным давлением и текущим состоянием развития государства, поэтому российское руководство будет склонно принимать более радикальные меры для достижения прорывов в конкретных областях.

Заключение. Ретроспектива политической истории и новый цикл

Из приведенного выше описания рецентрализации власти нетрудно понять, что рецентрализация – это не серия временных мер и не конкретная ориентация в рамках конкретного политического цикла – ее следует наблюдать и понимать в более широком временном масштабе. Рецентрализация – это, по сути, ретроспектива советско-российской столетней политической истории, проводимая российской элитой, это корректировка различных политических экспериментов и изысканий, произошедших в России за последние 30 лет, это осмысление и обобщение опыта политических реформ в России за прошедшие 30 лет, а также очередной выбор будущего пути развития России. Это фактически еще раз подтверждает суждение В. Циммермана о российской политике. Как он напоминает, слово «нормальность» в России означает «стабильность», «безопасность», «отсутствие перемен» и «российскую уникальность», а не «преобразование в политический режим, похожий на западный» [Zimmerman, 2016].

Стратегия «рецентрализации» подразумевает, что в понимании российского руководства многие из политик, проводимых в последние 30 лет, были компромиссами, сделанными в ограниченных исторических условиях, и требуются фундаментальные изменения, когда будет возможность внесения

корректив. В то же время некоторые прошлые практики могут быть продолжены, а другие, считающиеся неэффективными, должны быть отменены или заменены.

В целом путь рецентрализации власти показывает, что Россия будет реформировать различные методы децентрализованного развития, такие как глобализация, децентрализация, локализация и диверсификация, и продолжит традиционную, знакомую и считающуюся надежной централизованную модель развития, прежде чем вернуться к ключевым точкам выбора в определенных областях. Еще предстоит выяснить, как далеко продвинется это «возвращение» к традиционному политическому опыту, но эта тенденция заслуживает внимания исследователей.

Стратегия «рецентрализации власти» также означает, что после 2000 г. Россия вновь вступила в длительный и стабильный политический цикл. Хотя устоявшаяся политическая логика последних 20 лет сохранится и в новом цикле, некоторые политические цели и структурные преобразования, которые не были достигнуты в прошлом, будут ускорены.

Что касается сферы международной политики, то можно заметить, что Россия больше акцентирует свое внимание на национальных интересах, а не на активном участии в глобальном управлении. Можно заметить, что более масштабные конфронтации заменяют первоначальную конкуренцию крупных держав, а также то, что Россия более активно и более глубоко вовлечена в региональную политику.

Что касается сферы внутренней политической системы, можно заметить большее количество ограничений в отношении федерального правительства и правительств субъектов Российской Федерации, также можно по-прежнему

му наблюдать партийную структуру, при которой «партия власти контролирует общее направление, а новые партии охватывают новые области». Также можно заметить большее количество официальных и полуофициальных альтернативных институциональных структур в области экономического и социального развития, в то время как деятельность сугубо социальных организаций сосредоточена на областях волонтерства и культурной коммуникации.

Что касается политических элит, можно наблюдать более частую смену кадров, особенно повышенную мобильность и неопределенность элиты среднего уровня, а также дальнейшее расслоение и противостояние между группами элит и фракциями. В сфере реализации политики можно наблюдать большую степень институционального проектирования и планирования, внедряемых государством в качестве альтернативы поиску путей на местном уровне. Можно заметить и более быстрое обновление политики, более внезапные и крупномасштабные радикальные реформы.

Выбор Россией пути рецентрализации власти также принес большое вдохновение исследователям социальных наук. В исследованиях в области социальных наук для описания процесса развития часто используется термин «эффект храповика», что означает, что как только развитие достигает определенной отметки, оно будет использовать этот порог в качестве ориентира, и все технические обсуждения моделей и правил будут разворачиваться уже выше этого ориентира. В политологических исследованиях такое явление также описывается как «эффект колеи», когда система воспроизводит и укрепляет саму себя.

Как только новые правила заменяют старые, они ограничивают поведение отдельных лиц и организаций. Цена нарушения этих правил будет всё время расти, поэтому развитие будет продолжаться по установленному пути. Но независимо от того, является ли это «эффектом храповика» или «эффектом колеи», на самом деле возможна определенная степень погрешности.

С одной стороны, теория может переоценивать сравнительное преимущество новых правил, созданных в результате экспериментального исследования, перед существующими правилами. В экспериментальных исследованиях может произойти много неудач, которые ослабят признание новых правил государством и обществом. С другой стороны, теория может недооценивать способность некоторых стран управлять процессом установления правил, формирования системы и выбора пути. Когда все социальные группы играют в рамках общего контроля государства, государство вполне может регулировать темпы и путь развития, и «эффект колеи» также может быть обращен вспять государственной властью.

Кроме того, теория может недооценивать роль истории и времени. Когда политическая элита делает выбор в ключевых моментах, она будет не только ограничена историческими условиями того времени, но и подвержена влиянию исторической памяти и институциональных ресурсов. И варианты выбора отнюдь не ограничиваются узкими горизонтальными возможностями, а могут также сопоставлять реальную политику и исторический опыт по вертикали, возвращаясь, таким образом, к ключевым моментам и путям в более крупном временном масштабе.

2018 год был обычным годом, и никто не предполагал, сколько крупных событий, которые повлияют на политический процесс в России, произойдут

в последующие годы. Предполагалось, что каждое происходящее событие окажет огромное влияние на политический процесс в России, но последующие события вновь бросали вызов и переворачивали с ног на голову присущее людям восприятие. Так или иначе, в этом году Россия начала подводить итоги своего прошлого опыта развития и выбирать свой будущий путь развития. Сможет ли российская политика в будущем завершить цели своего институционального проектирования и дорожной карты, еще предстоит проверить временем.

Список литературы

- Дынкин А.А. Глобализация осталась в прошлом // Российская газета. – 2023. – 27 ноября. – URL: <https://rg.ru/2023/11/27/globalizaciia-ostalas-v-proshlom.html> (дата обращения: 12.03.2024).
- Кортунов А.В. Кризис миропорядка и глобальный Юг : Доклад Российского совета по международным делам № 59. – Москва : НП РСМД, 2020. – 48 с.
- Ash T. Postimperial Empire: How the war in Ukraine is transforming Europe // *Foreign Affairs*. – 2023. – May/June. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/europe-war-russia-postimperial-empire> (дата обращения: 12.03.2024).
- Balzer H. Managed Pluralism: Vladimir Putin's Emerging Regime // *Post-Soviet Affairs*. – 2003. – Vol. 19, N 3. – P. 189–227. – DOI: 10.2747/1060-586X.19.3.189.
- Hale H. Hybrid Regimes: When Democracy and Autocracy Mix // *Dynamics of Democratization* / Ed. by N. Brown. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2011. – P. 23–45.
- Liu Lingqi, Guan Haiting. On “Putinism” in Russia's State Transformation: From the Perspective of State Governance // *Northeast Asia Forum*. – 2014. – N 5. – P. 99–108. – DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2014.05.009.
- Shaipov A., Shaipova Y. Change the way we study Russia // *Foreign Policy*. – 2023. – February 11. – URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/> (дата обращения: 12.03.2024).
- Zimmerman W. Ruling Russia: Authoritarianism from the Revolution to Putin. – Princeton : Princeton University Press, 2016. – 344 p.
- Пан Дапэн = 庞大鹏. Анализ «путинизма» = «普京主义»析论 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究 (Russian, East European & Central Asian Studies). – 2016. – № 1. – С. 17–35. – Кит. яз.
- Цзян И, Вэнь Лунцзе = 姜毅, 文龙杰. Российская дипломатия: историческое наследие и идеологическое наследие = 俄罗斯外交:历史遗产与思想传承 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究 (Russian, East European & Central Asian Studies). – 2020. – № 6. – С. 1–16. – Кит. яз.
- Чжао Хуашэн = 赵华胜. Маятник истории: изменения в международной политике спустя 30 лет после распада Советского Союза = 历史的钟摆 – 苏联解体30年以来的国际政治变迁 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究 (Russian, East European & Central Asian Studies). – 2021. – № 6. – С. 1–15. – Кит. яз.
- Ян Чэн = 杨成. Теоретические изменения «второй трансформации» и многообразии трансформаций в бывших социалистических странах: на примере институциональной трансформации России в эпоху Путина = ‘第二次转型’的理论向度与原社会主义国家转型的多样性 – 以普京时代的俄罗斯制度转型为例 // Российские исследования = 俄罗斯研究. – 2008. – N 4. – С. 12–26. – Кит. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

The Recentralization of Power: Examining the Political Ideologies of Russian Leaders

Fei HAITING

DSc in History, Assistant Professor of Research Center of Chinese Politics, School of Government

Peking University

Yi Heyuan Street 5, Haidian district, Beijing, China, 100871;

Leading Researcher at the Russian Research Center

East China Normal University

Zhongshan Road (N), 3663, Shanghai, China, 200050

E-mail: feihaiting@outlook.com

ORCID: 0000-0001-5499-8863

CITATION: Fei Haiting (2024). The Recentralization of Power: Examining the Political Ideologies of Russian Leaders. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 5, pp. 150–171 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.05.08

Received: 14.03.2024.

Revised: 15.07.2024.

ABSTRACT. *In recent years, following the consistent logic of the three main political ideas of the country – the individual, society, and the state – Russia has begun to conduct research on the future political path of the country’s development under the influence of three main factors: feelings of separation, feelings of alienation, and concerns about security. This adjustment of direction can be summarized as a strategy of the «recentralization of power.» This strategy includes at least two parts: the recentralization of political power and the recentralization of political action, both of which cover international and domestic politics. The recentralization of political power means that the emphasis is no longer on decentralization and empowerment, but instead on centralized power and strict rules. The recentralization of political action means that the emphasis is no longer on competition and negotiation,*

but on common goals and unified actions. From the point of view of international politics, the recentralization of actions is mainly reflected in the evolution of the dynamics among great powers towards major power confrontations and the evolution of regional cooperation towards major power leadership. From the perspective of domestic policy, the recentralization of actions is predominantly reflected in the consolidation of decision-making processes and the synchronization of developmental progress, coupled with an intensification of political measures. The strategy of the «recentralization of power» signifies Russia’s profound adjustments to its systemic framework and policy implementation. These adjustments should not be perceived merely as short-term or temporary initiatives; rather, they must be interpreted at a higher level, within a broader historical and contextual framework, grounded in a deeper strate-

gic logic and shaped by the developmental experience of Russian leadership over the past three decades. The article provides a brief summary, as well as a vision of the future path of political development. The implementation of this strategy signifies not only that Russia has begun to reflect on its political history over the past century, but also that Russian politics has entered a new cycle.

KEYWORDS: political development of Russia, Russian diplomacy, Russian political transformation, Russian leaders, recentralization of power.

References

- Ash T. (2023). Postimperial Empire: How the war in Ukraine is transforming Europe. *Foreign Affairs*. May/June. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/europe-war-russia-postimperial-empire>, accessed 12.03.2024.
- Balzer H. (2003). Managed Pluralism: Vladimir Putin's Emerging Regime. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19, no. 3, pp. 189–227. DOI: 10.2747/1060-586X.19.3.189.
- Dynkin A.A. (2023). Globalization is a thing of the past. *Rossiyskaya Gazeta*. November 27 (in Russian). Available at: <https://rg.ru/2023/11/27/globalizaciya-ostalas-v-proshlom.html>, accessed 12.03.2024.
- Hale H. (2011). Hybrid Regimes: When Democracy and Autocracy Mix. In: Brown N. (ed.). *Dynamics of Democratization*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 23–45.
- Jiang Yi, Wen Longjie (2020). Russian Diplomacy: Historical Heritage and Ideological Inheritance. *Russian, East European & Central Asian Studies*. No. 6, pp. 1–16 (in Chinese).
- Kortunov A.V. (2020). *The Crisis of the World Order and the Global South: A Report by the Russian International Affairs Council No. 59*. Moscow: RIAC, 48 pp. (in Russian).
- Liu Lingqi, Guan Haiting (2014). On “Putinism” in Russia's State Transformation: From the Perspective of State Governance. *Northeast Asia Forum*. No. 5, pp. 99–108. DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2014.05.009.
- Pang Dapeng (2016). Review of Putinism. *Russian, East European & Central Asian Studies*. No. 1, pp. 17–35 (in Chinese).
- Shaipov A., Shaipova Y. (2023). Change the way we study Russia. *Foreign Policy*. February 11. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/>, accessed 12.03.2024.
- Yang Cheng (2008). The Theoretical Dimension of “Second Transformation” and the Diversity of Transformation in Original Socialist Countries: Taking the Institutional Transformation of Russia during Putin's Era as an Example. *Russian Studies*. No. 4, pp. 12–26 (in Chinese).
- Zhao Huasheng (2021). The Pendulum of History: International Political Changes in the 30 Years since the Disintegration of the Soviet Union. *Russian, East European & Central Asian Studies*. No. 6, pp. 1-15 (in Chinese).
- Zimmerman W. (2016) *Ruling Russia: Authoritarianism from the Revolution to Putin*. Princeton: Princeton University Press, 344 pp.